

Гайдар не интересуется портфелями

Отец рыночных реформ считает, что революция в России закончена

— Егор Тимурович, вы заявили, что сейчас в России наступила постреволюционная стабилизация. Но о какой стабилизации может идти речь в условиях постоянной войны в Чечне, огромного количества социальных, демографических, экологических проблем, контраста между богатыми и бедными? Как вы считаете, может ли Россия сползти к тоталитарному режиму?

— Всегда надо рассматривать вопросы в историческом контексте. Да, в России сегодня по-прежнему масса проблем. Усиление государства и есть признак послереволюционной стабилизации. Государство начинает выполнять свои функции — более-менее нормально собирать налоги, выплачивать заработную плату, обеспечивать исполнение законов на территории страны. Есть ли в усилении власти угроза демократии? Конечно, есть. Власть мо-

ИНТЕРВЬЮ НА ПЕРВУЮ ПОЛОСУ

Егор ГАЙДАР находился в США по приглашению Майамского университета в Оксфорде, штат Огайо. Входящий в структуру университета Хавигхерст-центр русских и постсоветских исследований провел ежегодный симпозиум «Россия десять лет спустя: оценивая достигнутое», пригласив в качестве основного докладчика бывшего премьер-министра РФ. В интервью «ОГ» директор Института экономики переходного периода депутат Госдумы Егор ГАЙДАР говорил не столько о делах минувших дней, сколько о сегодняшней ситуации в экономике страны.

жет распорядиться открывающимися возможностями по-разному. К счастью, она распорядилась этими возможностями в двух направлениях в высшей степени ра-

зумно. Первое — чтобы открыть дорогу серьезным и глубоким реформам, начиная от земельной и кончая налоговой, которые в России назрели и перезрели, но кото-

рые мы не были в состоянии реализовать на протяжении предшествующих лет. И второе — чтобы достаточно четко повернуть курс внешней политики в сторону улучшения отношений со Штатами, с Европой, с Западом в целом. При этом мы — молодая демократия, и вопрос о ее устойчивости не будет решен ни сегодня, ни завтра, а лишь в течение следующих 20–30–40 лет.

— До сих пор не решен кардинально вопрос частной собственности на землю...

— Нет, почему же. Вопрос о частной собственности на землю в городах решен принятием в прошлом году Земельного кодекса. А сейчас правительство внесло в Думу наконец проект Закона об особенностях оборота сельскохозяйственной земли.

Окончание на стр. 2

Гайдар не интересуется портфелями

Окончание. Начало на стр. 1

Убежден, что он будет принят в этом году. И надеюсь, нам удастся его сделать даже чуть лучше, чем предложило правительство.

— Насколько реален вариант, что земельная реформа пойдет по пути ваучерной, то есть концентрации земель в руках группы олигархов-латифундистов?

— Перераспределение земли уже идет, и во многом — по пути концентрации земельной собственности. Это совершенно неизбежно. У нас будет, и уже существует сегодня, фермерский сектор хозяйства, не очень большой, но постепенно растущий. И совершенно очевидно будет происходить экспансия крупных, организованных и прилично управляемых сельхозпредприятий. Мы уже ушли от той фазы, когда было возможно установление в России полномасштабного частного, индивидуального крестьянского хозяйства.

— Таким образом, вскоре могут появиться земельные Потанины и Алекперовы, ворячающие миллиардными суммами...

— Не могут появиться, а уже появились. Потанин вкладывает в этом году в аграрное производство около 100 миллионов долларов. Нефтяники активно занимаются реализацией земельных инвестиционных проектов. Ведь это почти освобожденный от налогов и, при нормальной организации дела, крайне прибыльный сектор. Вложения в сельское хозяйство в южной России по ряду культур сейчас дают прибыль до 400 процентов в год!

— На какой национальный стандарт, на какую страну ориентируется Россия в ходе земельной реформы?

— Ни на какую. Нет страны с такой историей, как у России. В некотором смысле развитие событий напоминает эволюцию американского сельского хозяйства. Но условия совершенно разные.

— В России, наряду с легальным сектором экономики, существуют «черный» и «серый». Миллиарды рублей и долларов циркулируют в виде неучтенного нала. Как можно эту проблему решить?

— Самое главное — налоговая реформа. Осуществленные изменения довольно радикальны: ликвидация оборотных налогов, реформа налога на прибыль, вве-

дение плоского подоходного налога, реформа системы поресурсных платежей с упрощением и обеспечением прозрачности, реформа социального налога с устранением нескольких служб, собирающих налоги. Все нацелено на то, чтобы сократить долю «серой» экономики. Мы не предполагали чудес, что вся экономика сразу выйдет из тени. Пока результаты даже больше, чем наши ожидания. Если вы посмотрите на цифры роста реальной заработной платы за последние два года, то окажется: очень большая его часть — просто легализация денежных доходов населения.

— Когда люди перестанут копить наличные доллары?

— Накопление наличных долларов не противоречит ни одному закону. Если вам удобнее так хранить ваши сбережения, то Бог вам судья.

— Удобней, конечно, хранить сбережения в банке как учреждении, а не в стеклянной банке под кроватью...

— Еще раз подчеркну, что хранение долларов в стеклянной банке не является чем-то нелегальным. Это признак того, что вы живете в стране, которая пережила тяжелый инфляционный кризис, период нестабильности национальной валюты и слабости банковской системы. Тут все дело в стабилизации рубля и банковской системы. За последний год мы видим явные признаки восстановления доверия к банковской системе, довольно быстро растет объем вкладов в национальные банки. Я думаю, этот процесс продолжится, он будет постепенным, ничего взрывного не произойдет. Для того чтобы российская банковская система обрела доверие населения, нужны не месяцы, а годы нормального функционирования.

— Уход со своего поста Виктора Герашенко — часть целенаправленной политики правительства по модернизации банковской системы?

— Не правительства, а президента. Я убежден, что замена Герашенко на Игнатьева — обозначение того, что дальше президент считает невозможным тянуть с началом серьезной банковской реформы.

— Налицо торговые войны, и довольно ощутимые, между Америкой и Россией, в частности, по поводу сталелитейной промыш-

ленности, экспорта курятины. Что это: разрозненные эпизоды или признаки усиливающейся конфронтации между Россией и США?

— Нет никакой принципиальной конфронтации между Америкой и Европой, тем не менее сталелитейная промышленность является в этих отношениях куда более острой проблемой, чем у нас с США. Вопрос об американской стали — это вопрос локального лоббизма. Американская позиция наносит ущерб как самой американской экономике, так и усилиям, направленным на демонаполизацию мировой экономики. США, как традиционный лидер, показывают очень плохой пример другим.

— Могут ли экономические войны, на ваш взгляд, нанести ущерб политическим отношениям США и России?

— Не думаю. В целом наше партнерство, обусловленное единством стратегических вызовов, имеет серьезную базу.

— Егор Тимурович, если бы вы получили шанс вернуться на десять лет назад, к началу экономических реформ, что бы изменили в своей программе?

— Вообще-то я имею давнее правило не отвечать на вопросы со словом «если». Знаю, они крайне опасны. В данном случае сделаю исключение. Вопрос разбивается на два подвопроса. В каком качестве бы вернулся? Если бы я был назначен российским царем, то сделал бы все по-другому. Но если бы, повторяя реальность, десять лет назад я был назначен в российское правительство, которое не имело, по существу, государственной машины, работало в стране, у которой нет границ, центрального банка, денег, законодательства, судебной системы и армии, принципиальные вещи я попытался бы сделать примерно те же и так же.

— Для политика вы еще вполне молоды. Нет ли у вас желания совершить второй старт и вновь получить руководящий портфель?

— Никакого. Меня очень устраивает мое теперешнее положение.

Олег СУЛЬКИН

Нью-Йорк

P.S. Автор благодарит за содействие в организации интервью Карен Давишу и Зару Торпун (The Havighurst Center for Russian and Post Soviet Studies).